

зультатами радиоуглеродного анализа 38 фрагментов тканей, схемами с вариантами украшения туник и рисунками, поясняющими особенности технических приемов выполнения тканей. Текст и подписи под рисунками — на фламандском и английском языках.

Для специалистов особый интерес в этом издании представляют сами памятники и результаты радиоуглеродного анализа. В целом представленные ткани вполне ординарны, но около десятка из них наверняка заинтересуют и специалистов, и любителей: прямоугольная вставка со сценой рыбной ловли (кат. № 8), вставка-квадрат с изображением крылатого путто, несущего виноград (кат. № 10), фрагмент завесы с анхами и канделябрами (?) (кат. № 38), вставка со сценой «Жертвоприношение пленника» (кат. № 75), фрагментированная завеса с изображением кентавров, зверей и птиц (кат. № 80), завеса с изображением nereиды на морском монстре (кат. № 105), льняная туника хорошей сохранности (кат. № 133) и, конечно же, вставка-медальон с самым полным в ткачестве циклом эпизодов истории патриарха Иосифа (аналог медальону из Городского музея в Трире) (кат. № 144, с. 255–256). О последнем памятнике следует сказать, что вряд ли верно предположение авторов о его происхождении из собрания В. С. Голенищева. На мой взгляд, слишком «растянута» и дата памятника — VIII–X вв. Вряд ли он и близкие ему памятники выполнены позднее VIII столетия.

Касаясь результатов радиоуглеродного анализа тканей, отметим, что за последние годы к нему все чаще и чаще прибегают исследователи (о чем свидетельствует и приведенная в книге на с. 70 литература; я бы добавил к ней материалы проходившей в 1985 г. в Тронхейме конференции по теме «Radiocarbon» и книгу Sheridan Bowman «Radiocarbon Dating» (London, 1990)). У фламандских специалистов, как и у всех их предшественников, занимающихся этими проблемами, хронологический разброс дат памятников довольно широк (от полутора до трех столетий), но будем надеяться, что со временем именно этот путь позволит установить более или менее объективные критерии датировок. Тем самым будет устранена еще одна ахиллесова пята в коптологии.

А. Я. Каковкин

Е. В. Герцман.
Петербургский Теоретикон.
Одесса, 1994.

Есть несколько очень важных оснований, побуждающих с уважением, интересом и даже неким особым вдохновением раскрыть эту книгу, зная, что в ней представлены некоторые греческие рукописи из хранилищ Петербурга, посвященные вопросам византийского церковного пения.

И само православие, и чин отправления богослужения, и сопровождающее его пение пришли на русскую землю, как известно, из Византии. Как бы ни была переменчива история стран, народов, церкви, но почитание греческих традиций, осознанно или неосознанно, продолжает сохраняться в душе русского православного человека. Литургию мы совершаем по чину Василия Великого или Иоанна Златоуста, поем стихиры, каноны, кондаки, тропари и др. песнопения, сложившиеся некогда в Византии; творим молитвы великих греческих святителей; любим акафисты, первый образец которых был создан опять-таки в Византии. Мы почитаем греческих святых как заступников за душу русского человека. Разделить в нашей вере и богослужении русское от греческого невозможно. Византийская традиция легла в основу нашего богослужения, и как бы ни была затем эта традиция переосмыслена, развита, дополнена, при одном только упоминании о ней русский человек исполняется некоего уважения.

Это первое и самое общее из тех оснований, о которых мы сказали в начале. Есть и другие, более специфические. Суть их состоит в том, что до сих пор вопрос соотношения древнерусского православного пения и византийского (греко-сирийского) в полной мере не ясен. И даже в том объеме, который нами освоен, мы не во всем имеем однозначные мнения. Мы поем по «гласам», знаем, что «глас» есть перевод греческого $\xi\chi\omicron\varsigma$, но затрудняемся точно и ясно определить связи и различия между этими основополагающими певческими системами. Все еще дискуссионным остается вопрос происхождения некоторых видов русского православного пения, например, демественного, участия в нем византийских традиций каллофонического пения. Не продвинулось пока существенно вперед решение

вопроса о кондакарном пении и кондакарной нотации, внешне (по рукописям) очень похожей на греческую, но, видимо, не копирующей ее. Не раскрыты некоторые сигнатуры русских певческих рукописей и их происхождение, например, знаков $\aleph$ и δ , имеющих явно нерусские буквенные протографы.

Нет ясности и в вопросе о звукорядных и «ладо-тональных» модуляциях в протяжных и сложных песнопениях. «На поверхности», т. е. в рукописных записях, они проявляются только в русских нотоплинейных «переводах» строчного многоголосия. Как отражались они в невменной записи русских песнопений, каким образом преобразовалась в русской традиции весьма разработанная в греческой система «фтор» (φθόρα)? Какой смысл несли в русских песнопениях «ненано», «наон», «ана-неанес» и прочие слоговые образования, которые до сих пор продолжают расцениваться как «бессмысленные», в то время как в византийской традиции и технический и содержательный смысл их был очень важен?

Такого рода многочисленные вопросы еще, видимо, долго будут стоять перед специалистами. Почему? Потому, что многим из них недостает знания греческого материала — практики и теории певческого дела. Для этого надо знать греческий язык, ориентироваться в мировом фонде греческих рукописей. Надо ли говорить, что такие специалисты в среде музыковедов остро дефицитны: они не готовы к самостоятельному овладению поистине гигантским научным материалом наделены немалой, а терпения, выдержки при условии медленно создаваемой печатной «продукции» хватает лишь единицам.

Е. В. Герцман принадлежит к таким «единицам». По крайней мере, основную информацию о византийском церковном пении, его теории и истории в нашей стране можно получить только из работ этого ученого, настойчиво и последовательно, в течение нескольких десятилетий движущегося по той научной прямой, которая называется «отечественная византистика». Книга Е. В. Герцмана «Византийское музыкознание» является настольной у всех специалистов по древнерусской музыке. Станет таковой же и «Петербургский Теоретикон».

И, наконец, есть еще одно, очень специфическое, но вместе с тем чрезвычайно важ-

ное основание, вызывающее интерес к книге. Это — ее профессионализм, тот высший профессионализм, который подвигает ученого к гигантской по степени сложности, но внутренне для него необходимой работе — публикации оригинального текста. Никакие разговоры о памятнике не заменят самого памятника.

Итак, перед нами — уникальная книга как по своему содержанию, так и по оформлению. Почему она называется «Петербургский Теоретикон»? Этим названием огдана дань как городу, в котором имеется самый крупный в России фонд греческих рукописей, так и тому предмету, о котором они говорят, — теории византийского пения.

Греческие рукописи попали в Россию, как пишет автор, «в разное время и разными путями» (с. 14). За каждой рукописью стоят значительные события нашего прошлого, судьбы и деятельность выдающихся личностей. Обо всем этом можно писать самостоятельные книги, которые были бы сейчас весьма поучительны в плане отношения наших предков к истории культуры, православной церкви, ее корням и традициям. В этом свете внимания заслуживает личность Порфирия Успенского. Ему мы обязаны тем, что в России появилась большая коллекция греческих рукописей, первые переводы на русский язык отдельных греческих текстов. Половина (первая часть) «Петербургского Теоретикона» основывается на рукописях из его коллекции, вторая часть — на рукописях из Русского Археологического института в Константинополе (РАИК), хранящихся в настоящий момент в Библиотеке Академии наук в Петербурге.

В работе представлена публикация оригинальных греческих текстов, перевод этих текстов на русский и английский языки, авторский комментарий к переводу и содержанию текстов. Каждая из этих трех сторон книги требует большой специальной подготовки. Так, чтобы выбрать для публикации рукописный материал, необходимо знать мировую фонд греческих рукописей, провести работу по сопоставлению всех версий. Чтобы перевести греческий текст и, тем более, осмыслить его, нужно быть посвященным в сам предмет — византийскую протеорию (προτοεωρία), что, прямо скажем, дело весьма не простое. В этом плане у автора книги в среде отечественных ученых не было ни предшествен-

ников, ни учителей. Дорога знаний пролагалась Е. В. Герцманом самостоятельно. Накопленная им за многие годы информация дала основание создать свои представления о византийской теории и практике православного пения. Они указали автору направление для научных комментариев.

Мы попытаемся кратко охарактеризовать основные моменты книги Е. В. Герцмана по этим трем ее содержательным сторонам.

1. Задавшись целью опубликовать петербургские греческие рукописи, автор, естественно, должен был прежде всего определить принципы их отбора. Эти принципы он назвал во Введении — по степени интереса рукописи для науки, а также близости материала рукописи византийским традициям (даже если сама рукопись создана была в поствизантийский период, т. е. после 1453 г.).

Что хотелось бы к этому добавить? Прежде всего то, что по отношению к такому предмету, как византийская «протеория», специфическими являются и критерии определения степени новизны рукописного материала. Византийские теоретические руководства (так же, впрочем, как и древнерусские «Азбуки») создавались по определенному канону. Был установлен известный порядок изложения материала (невмы — «большие ипостазы» — мартирии ихосов — фторы) и предметы, предпочтительно подвергающиеся философскому толкованию (названия невм, «тела» и «духа», «настройки» ихосов). «Списки» одного и того же теоретического руководства могли содержать, казалось бы, небольшие новые детали, нюансы как в самом материале, так и в его толковании. Однако, именно эти детали и нюансы представляют для науки первейший интерес — они формируют поле представлений о том или ином предмете теории. Чем больше это поле, чем внимательнее просмотрена в нем каждая деталь, тем больше появляется шансов понять и восстановить византийскую теорию пения. Ситуация здесь совершенно аналогична той, какую мы имеем в древнерусской теории. Имеет значение любая особенная запись невм, нетрадиционное название знаков, порядок изложения невм, нюансы различий в их написании и т. п. В этом плане каждая из рукописей, подобранных Е. В. Герцманом, предлагает то или иное своеобразие в освещении объектов «протеории», которое высветил в

своих комментариях сам автор и которое будет замечено и оценено специалистами.

Ряд рукописей имеет и более интересные особенности. Так, в Греч. 494 обращает на себя внимание известное певческое упражнение Иоанна Кукузеля «Большой исон», подтекстованное вдохновеннейшей одой Богородице, созданной М. Влатисом. Сам факт этой подтекстовки византинистике известен, но приведенная Е. В. Герцманом рукопись показывает, во-первых, полную и законченную версию подтекстовки, во-вторых, является едва ли не самой ранней среди известных (сер. XIV в.). Она полностью убеждает в том, что учебные и «художественные» (если можно так сказать по отношению к богослужебному пению) задачи в практике православного пения не отчленились. Это — очень важный вывод, и не только для византинистики. Он напрашивается и в связи с некоторыми деталями древнерусской «теории»: например, за порядком изложения невм (знамен) в самых ранних «Азбуках» (XV–XVI вв.) исследователи предполагают определенный и хорошо известный певчим напев, который в любой момент мог быть ими пропет с богослужебным текстом¹.

Рукопись Греч. 497 показывает, что упражнение типа «Большого исона» представляло собой, видимо, некий «эталон» системного и комплексного освоения нотации. «Большой исон» И. Кукузеля был одной, хотя и наиболее известной, версией такого упражнения. Версии отличались одна от другой и пропеванием знаков и самими знаками (их количеством, названием, графикой). Рукопись Греч. 498 демонстрирует сокращенный вариант аналогичного упражнения, называемый автором «Малый исон», в котором распевается только 9 знаков (тогда как в максимальном варианте их 52). Если вспомнить русские руководства, содержащие распевы «строки» и отличающиеся друг от друга как количеством «строк», их расположением, так и вариантами в графемах, то картина

¹ См.: Д. С. Шабалин. Певческие Азбуки Древней Руси. Кемерово, 1991. Автор называет такие Азбуки связано-мелодическими в отличие от другого их типа — «системного», где изложение знамен группируется по семействам. Нечто аналогичное такому типу древнерусских Азбук мы увидели среди рукописей, представленных Е. В. Герцманом, а именно на л. 4 Греч. 494.

окажется очень похожей. Это не может не навести еще раз на мысль о неких единых для культуры православного пения установках, какими бы различными средствами они ни выражались.

Греч. 495 содержит очень интересный материал, позволяющий сопоставление двух разных видов палеовизантийской нотации и являясь, таким образом, в переводе на язык понятий древнерусской теории своеобразным «двоеязычным».

Чрезвычайно важно сравнение деталей интерпретации некоторых компонентов греческой «протеории». Так, одна рукопись, толкуя основные понятия певческой системы, скажет: есть «тела, духи, длительности и ипостазы» (Греч. 494); другая предложит вариант: есть «тела, духи и свободные знаки» (Греч. 239); третья — еще один: есть «тоны, духи и чувства» (РАИК 63, л. 43). За каждым высказыванием скрывается свое восприятие предмета теории и все вместе они и обрисовывают то поле смыслов, которое предстоит понять.

Было у автора и еще одно основание для публикации рукописей. Это — те случаи, когда материал рукописи известен преимущественно в виде переводов. Соответственно, он предстает перед учеными уже в интерпретированном виде, так как любой перевод, особенно в такой области, подчиняется научным представлениям переводчика.

Если Е. В. Герцман имеет свое мнение по поводу содержания текста рукописи, воспроизведение подлинного его варианта тем более представляется необходимым. Так обстоит дело, в частности, с «Листом из трактата Михаила Влеммида», оригинальный текст которого, несмотря на известность содержания рукописи, опубликован не был. Посвященный толкованию византийских неум, «Лист» Михаила Влеммида вводит ученых в одну из важнейших проблем певческого дела — хирономию.

И, наконец, есть в книге рукопись — трактат Псевдо-Дамаскина (РАИК 63, л. 41–51 об.), которая представляет собой один из списков очень важного для воссоздания теории и практики византийского (и древнерусского) пения трактатов. Естественное, что каждый из списков с деталями их расхождения существенен для науки и необходим в перспективе издания трактата.

2. О том, какой степени сложности работа выполнена автором при переводе рукописных текстов, можно было бы и не говорить: достаточно взглянуть на фотокопии оригиналов. Некоторые страницы плохо просматриваются, ряд листов имеет оборванные края, некоторые рукописи сложны своей своеобразной орфографией. Кроме того, у переписчиков встречаются ошибки, описки, пропуски текста, нарушающие логику изложения материала. Часть сложных для понимания мест автор восстанавливает сам; часть реконструирует по аналогичным местам в других списках трактатов; часть вынужден признать «испорченными».

Нам бы хотелось, однако, подчеркнуть другую сторону переводческой работы — ту, которая связана с нахождением слов и специальных понятий, адекватных смыслу рукописных текстов. Терминология византийской теории церковного пения в нашей науке еще не имеет установившейся традиции передачи на русском языке: во-первых, в силу многозначности ряда принципиально важных греческих понятий, которые могут иметь разное значение в зависимости от контекста; во-вторых, из-за неясности для нас некоторых греческих терминов. Например, перевод одного из главных понятий греческой «протеории» — фони (φωνή) сложен многозначностью слова (и его производных) и разнообразием смыслов, за ним скрывающихся. Должен быть внимательно проанализирован контекст рукописи, предмет, о котором идет речь в том или ином случае, чтобы найти для перевода близкое русское понятие. Поэтому в одних случаях Е. В. Герцман интерпретирует «фони» как интервал (соответственно, ἄφων(ον) как безинтервальный), в других переводит его как «звучание» (критикуя при этом вариант перевода «интервал» — с. 62), в третьих, — греческое «фони» становится «голосом» (с. 503). По большей части разные варианты перевода, избранные автором, кажутся нам обоснованными и отражающими содержание текстов. Однако, в некоторых моментах к выбору варианта перевода возникает вопрос, например, при выражении πολλὰς φωνὰς (с. 261), которое автор переводит как «многие голоса» (с. 276). Так как в тексте речь идет об объяснении одной из певческих неум, а именно оксии, смысл текста при переводе остается непонятным, а

выбор перевода $\phi\omega\upsilon\acute{\alpha}\varsigma$ как «голоса» дискусионен. Наше внимание привлекла фраза из Греч. 239 (л. 17), в которой встречается несколько слов с корнем $\phi\omega\upsilon$. При переводе автор интерпретирует «фони» то как интервал ($\acute{\alpha}\phi\omega\upsilon\omicron\nu$ — безинтервальный), то как звучание, а то прибегает просто к транслитерации. Не является ли в этом случае смысл термина излишне дифференцированным?

Принципиальным для понимания существа явления становится перевод «фони», точнее $\acute{\alpha}\phi\omega\upsilon\omicron\nu$, в связи с исоном. «Безинтервальный» он или «беззвучный»? Все зависит от значения исона в каждом конкретном случае, иначе говоря, от той его ипостаси, которая объясняется в текстах рукописи. Если исон «беззвучен», значит речь идет о той его функции, которая аналогична русской «строке». Если же он «безинтервальный», то говорится о его значении как певческой невмы. Очевидно, все эти нюансы смысла должны находиться в подтексте перевода, который и определит выбор того или иного варианта.

Как упорядочить в русской версии греческую музыкальную терминологию? Этот вопрос остается пока открытым. Возможно, что в будущем автор создаст (по крайней мере, это было бы желательно) терминологический «лексикон» византийской «протеории», предложив параллельные по смыслу русские и, главное, древнерусские понятия, — не только для того, чтобы представить себе систему теории византийского пения, но и приблизить ее к ближайшей «родственнице» — древнерусской теории пения. На данном же этапе иногда лучше пользоваться просто транслитерацией, что автор и делает, в частности, по отношению к понятию «ихос».

Как мы уже говорили, для нашей науки чрезвычайно важно понять, были ли аналогичные византийской практике и теории явления в древнерусском пении, и если были — то отражались ли они в певческих рукописях? Может быть, поняв нюансы греческой терминологии, мы можем иначе подойти к осмыслению непонятных до сих пор сигнатур и терминов русских рукописей. В этой связи, например, остаются весьма туманными оттенки различий между такими греческими понятиями, как $\acute{\epsilon}\nu\tau\eta\lambda\omicron\mu\alpha$, $\eta\chi\omicron\mu\alpha$, $\eta\chi\eta\mu\alpha$, $\acute{\epsilon}\nu\tau\eta\chi\eta\mu\alpha$, $\acute{\alpha}\tau\eta\chi\eta\mu\alpha$, которые автор считает синонимичными и переводит как «настройка» (см. об этом с. 37, 67, 113 и др.). Возможно,

это соответствует тому сходному действию, к которому побуждают «ихимы», «энихимы», «апихимы», однако, некоторый элемент сомнения в полной взаимозаменяемости этих понятий все же имеется.

Поднимая вопрос о терминологии, мы хотели бы привлечь внимание к двум моментам. Во-первых, к тому, что перевод подобного рода рукописных текстов нельзя назвать просто переводом. Это не перевод, но толкование на другом языке. Е. В. Герцман — первый и пока единственный авторитетный ученый, который прокладывает пути как для музыкальной византистики, так и для установления корреляций между греческой и древнерусской теориями православного пения². Цена его труда в этом направлении очень велика. Однако, ряд существенных проблем интерпретации понятий византийской «протеории» остается.

3. Рукописный материал книги побуждает к многочисленным и разнообразным пояснениям, отсылкам, сравнениям с параллельными местами в других рукописях и т. п. Комментарии необходимы и для оправдания выбора варианта перевода, и для разъяснения особенностей материала той или иной рукописи, и для интерпретации содержательного смысла текста. А это — особая область. Греческая теория богослужебного пения хотя и была осмыслена с большей степенью детализации и философской основательности, чем древнерусская, но по форме изложения текстов отличалась такой же «тайнозамкненностью», эзотеричностью. Проникнуть вглубь смысла этих текстов весьма не просто. В некоторых случаях ключ к их пониманию найден, в других — пока нет. Область гипотез остается очень большой. Надо отдать должное высокому профессионализму автора книги, который в редких случаях отвечает на вопросы однозначно и утвердительно. Большой же частью он ставит вопросы, предлагая возможные версии ответов.

В таких условиях даже выбор предмета комментирования может быть оценен как

² Мы сказали «пока», так как в среде исследователей молодого поколения формируется и интерес к изучению византийских корней древнерусского церковного пения, и стремление к освоению греческих рукописных источников.

научная позиция, как исследовательская культура обработки перевода. Действительно, комментарии могли быть бесконечными. Одна только рукопись, например, трактат Псевдо-Дамаскина, с комментариями к ней могла бы составить книгу такого же объема, как «Петербургский Теоретикон». Поэтому важно было избрать определенные принципы комментирования. Весь слой комментариев разделяется на четыре основные группы.

Первая связана с объяснениями к переводу. Профессионально судить об этом круге комментариев мы не беремся, полагаясь как на знание языка (точнее, языков) самим автором, так и на участие в переводах таких известных специалистов по греческой палеографии и филологии, как Б. Л. Фонкич, А. И. Зайцев и Я. Н. Любарский.

Второй слой комментариев мы бы назвали включением рукописей в контекст мировой византистики. Надо ли говорить, к какой профессиональной эрудиции этот слой комментариев обязывает. Вводя в научный обиход солидный корпус рукописей, автор обязан был представить их по степени новизны, особенностей. Здесь важно было все, вплоть до самых мелких деталей, например, вида написания отдельных невм. Этому слою комментариев можно дать, без сомнения, очень высокую оценку. Достаточно сказать, что фон, на котором автор исследует свои рукописи, образуют более 70 известных науке кодексов.

Третий слой комментариев представляет собой расширение смыслового поля текстов. Здесь на первый план выступает общегуманитарная эрудиция автора: содержание текстов рукописей вписывается в круг научно-философских представлений Древней Греции, в контекст богословских толкований и, наконец, в систему современных научных знаний.

Так, рассуждение в трактате Псевдо-Дамаскина о семи звуках «в подражание семи планетам неба, семи векам и вообще — замечательной Седмице» (с. 500) обогащается в комментарии привлечением высказываний по этому поводу Никомаха, Аристиды Квинтилиана, Теона Смирнского (с. 537–538). Гармония и число как элемент ее выражения, имеющие большое значение в построении системы византийских «мелосов», расширенно комментируются на с. 284–286.

Описание хирономических знаков (и жестов) из Листа Михаила Влеммида (с. 361–363), содержащее в себе скрытые заимствования из «Евангелия от Матфея», «Евангелия от Иоанна», апокрифического «Евангелия от Иакова», некоторых сюжетов из ветхозаветных книг «Исход», «Бытие», раскрыты в комментариях Е. В. Герцмана.

Полно прокомментированы те высказывания рукописных текстов, где речь идет о нотации и мелургах, имена которых традиционно связывались с ее формированием или обновлением, — И. Кукузеля, И. Дамаскина, И. Плусиадина и других.

Развернутый комментарий с привлечением известных византийских трактатов, высказываний мыслителей Древней Греции дает автор в связи с характеристикой и происхождением греческих «мелосов» — дорийского, лидийского, фригийского и особенно так называемого «милетского», о котором нашей науке известно менее всего.

Интересны изложенные Е. В. Герцманом два взгляда на систему Октоиха, скрывающиеся в себе «отголосок конфликта между приверженцами Иерусалимского и Студийского Уставов» (с. 555–556).

О многом можно было бы еще говорить в связи с этим слоем комментариев, придающим книге гуманитарно-энциклопедический характер.

И, наконец, четвертый слой комментариев выявляет те научные представления о византийской теории церковнопения, которые сложились у автора на основании многолетнего изучения византийских источников. С рядом из них отечественный читатель знаком по предыдущим работам Е. В. Герцмана. В настоящей книге некоторые из прежних наблюдений автора над источниками еще раз подтверждаются, другие тексты получают более полное изложение, третьи освещаются впервые.

Обратим внимание на позицию автора, вписывающего греческий ихос как разветвленную систему организации монодии в общеевропейскую систему лада и ладотональности (с. 179), в концепцию древнерусского гласа, имеющего то же предназначение, что и ихос (с. 180).

Впервые в книге развернуто излагается представление автора о хирономии — «загадочном» феномене греческой практики цер-

ковного пения (с. 322–336). Если учесть, что пение по хирономии было зафиксировано в основополагающих православных уставах и через них могло войти в Устав русского богослужебного пения (Студийский устав, как известно, был переведен на славянский язык в XI в.), что на многих иконах русского происхождения мы видим зафиксированные иконописцем хирономические жесты (в тех случаях, когда на иконе изображаются певчие), то феномен хирономии станет отнюдь не безынтересным и для историков русского церковного пения. Исторические сведения о хирономии, собранные Е. В. Герцманом, так же, как его мысли о сути выражаемых посредством хирономических жестов певческих «действий», становятся в этой связи для нас особенно ценными.

Первые вводит Е. В. Герцман информацию об «исонном пении», базирующуюся на византийских рукописях XIV в., отразивших практику гораздо более раннюю (с. 538–539). И хотя упоминание о τὸ ἰσοχρότιον как указание на пение с исоном (т. е. выдержанным тоном) редко, но все же можно найти в зарубежных работах, попыток подступить к объяснению этой terra incognita нам не встречалось.

Один из волнующих вопросов в связи с историей православного пения связан с многоголосием. Было ли оно в византийской традиции, а если было — то каким? Для тех, кого этот вопрос интересует, книга Е. В. Герцмана чрезвычайно ценна. Во-первых, как мы уже говорили, автор отмечает реальный факт существования греческого «исонного пения», а это уже одна из форм многоголосия. Во-вторых, один из разделов трактата Псевдо-Дамаскина (РАИК 63, л. 50) излагает «Основы диплофонии», т. е. пения с удвоениями (утроениями и даже учетверениями), что очень похоже и по типу, и по характеру на аналогичное пение в Западной Европе. Оно было зафиксировано в латинских трактатах с конца IX в. под греческим же названием «диафония». Если вспомнить также, что пение с выдержанным тоном, как и пение параллельными голосами, являлись исторически первичными формами многоголосия у всех народов, что феномен такого пения дает исключительные, ни с чем не сравнимые по красоте и силе резонирующих с акустикой храмового пространства эффекты, то можно ли быть уверенным, что в Византии такого пения не было, даже если записанные образцы его не со-

хранились?³

Естественно, что для заключений по этому поводу еще далеко. Нет сомнения, однако, в том, что материалам, опубликованным в книге Е. В. Герцмана, предстоит еще не раз быть цитированными и интерпретированными.

Мы понимаем, что в таком гигантском труде, как «Петербургский Теоретикон», не может быть дана исчерпывающая научная интерпретация всего материала. Тем более, не может быть проведен курс на адаптацию «тайнозамкненных» текстов к нашему современному сознанию. Поэтому во многих вопросах исследователям, читающим книгу, надо разбираться самостоятельно. Для этого работа дает много возможностей. Естественно, что в ней можно встретиться и с некоторыми неточностями, случайностями, но мы не хотим привлекать к ним внимание, ибо они не могут повлиять на общую оценку труда Е. В. Герцмана. Появление такого труда в нашей стране — это большое научное событие. Если читатель представит себе еще и те технические сложности, которые сопровождали издание этой книги, то нельзя не назвать проведенную Е. В. Герцманом работу научным подвигом.

Ю. Евдокимова, А. Конотов

Греческие документы и рукописи, иконы и памятники прикладного искусства московских собраний: каталог выставки / Составитель и ответственный редактор Б. Л. Фонкич. М.: Издательство «Индрик», 1995, 103 с. (Текст на русском и английском языках)

В связи с Международной конференцией «Крит, Восточное Средиземноморье и Россия в XVII в.», которая проходила в Москве с 3 по 7 октября 1995 г., в Музее древнерусского искусства им. Андрея Рублева была организована выставка греческих рукописных мате-

³ В одной статье (M. Adamis. Report of the Eleventh Congress. Copenhagen, 1972) нам встретился пример греческого параллельного пения из источника XV в.